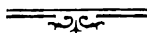

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Ю. БАЛАКИН

ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ «УНИЖЕННЫХ И ОСКОРБЛЕННЫХ»

(Достоевский и А. А. Краевский)

Проблема влияния личности А. А. Краевского на жизнь и творчество Достоевского уже привлекала внимание исследователей.¹ Сначала он был для Достоевского издателем его повестей, позднее же стал журнальным оппонентом и — что особенно интересно — литературным персонажем. Давно известно, что Краевский послужил прообразом «антрепренера» Александра Петровича в романе «Униженные и оскорбленные» (1861), однако сам эпизод его разговора с Иваном Петровичем (персонажем — своего рода alter ego Достоевского) остался практически без комментария (см.: 3, 538). Между тем этот разговор достаточно любопытен. Во-первых, в нем отражен реальный эпизод общения писателя и журналиста, случившийся, очевидно, в конце 1845 или начале 1846 года, а во-вторых, от него тянутся нити к позднейшим полемическим статьям Достоевского.

Вот интересующий нас фрагмент:

«Александр Петрович, конечно, милейший человек, хотя у него есть особенная слабость — похвастаться своим литературным суждением именно перед теми, которые, как и сам он подозревает, понимают его насквозь. (...) ...Александр Петрович (...) несколько раз пускается в рассуждения о современной литературе. При мне он не конфузится и преспокойно повторяет разные чужие мысли, слышанные им на днях от кого-нибудь из литераторов, которым он верит и чье суждение уважает. (...) В настоящую минуту он силится подробно изложить мне одну литературную мысль, слышанную им дня три тому назад от меня же, и против которой он, три дня тому назад, со мной же спорил, а теперь выдает ее за свою. Но с Александром Петровичем такая забывчивость поминутно случается, и он известен этой невинной слабостью между всеми своими знакомыми. (...) Он ведет учено-литературный разговор, и даже

¹ См.: *Виноградов В. В.* Достоевский и А. А. Краевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 17—32.

мягкий, приличный его басок отзывается ученостью. (...) Я думаю про себя, что Александр Петрович наклонен даже всякого честного и искреннего литератора за его честность и искренность считать если не дураком, то по крайней мере простофилей. Разумеется, такое суждение прямо выходит из чрезвычайной невинности Александра Петровича» (3, 424—425).

О том, что Краевский любит повторять мнения близких к нему литераторов, писали не раз.² Но какую же именно «литературную мысль», слышанную от рассказчика, пытался изложить ему же Александр Петрович? Ответ мы можем найти, обратившись к одному из изданий, в котором нашел отражение этот же эпизод. Мы имеем в виду «Иллюстрированный альманах», подготовленный редакцией «Современника» в начале 1848 года, но так и не увидевший свет из-за вмешательства цензуры.³ Кроме беллетристики и иллюстраций издатели (Н. А. Некрасов и И. И. Панаев) планировали поместить в нем девять карикатур — семь Н. А. Степанова и две М. Л. Неваховича. Одна из карикатур Степанова, называвшаяся «Журналист и сотрудник», изображала Краевского и Достоевского. Ее сопровождал следующий текст:

«— Вы изволили прочесть мою повесть?

— Прочел, ничего, недурна, местами есть промахи, поверхностный взгляд на предметы... (С *глубокомысленной важностью*). Знаете, повесть ваша собственно не повесть, а психологическое развитие.

— Именно-с... Вы, может быть, изволили забыть, что это мнение г-на Т., которое я изложил в письме к вам, при повести?»⁴

Совершенно очевидно, что в основу сюжета этой карикатуры был положен реальный случай. Более того, сам этот случай настолько врезался в память его непосредственных свидетелей, что слухи о нем дошли и до литераторов следующего поколения. Так, о нем через пятнадцать лет вспомнил Н. А. Добролюбов, который в статье об «Униженных и оскорбленных» писал: «Г-н Достоевский известен любовью к рисованию психологических тонкостей. Мнение о его, кажется, „Двойнике“, что это „собственно не повесть, а психологическое развитие“, подало даже повод к одному очень известному анекдоту».⁵ Возможно, Добролюбов просто процитиро-

---

² См., в частности: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 342—343.

³ Об истории этого издания см.: *Долгих У. М.* Цензурная история некрасовского «Иллюстрированного альманаха» (по архивным материалам) // *Русская литература*. 1977. № 2. С. 122—126; *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1997. Т. 13, кн. 1. С. 370—374 (примеч. Б. В. Мельгунова). В 1990 г. вышло его факсимильное воспроизведение.

⁴ Цит. по: *Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома*. М.; Л., 1959. Т. 5: И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский. С. 155. № 605.

⁵ *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 231. Ссылка на эту статью Добролюбова имеется в цитированном выше «Описании рукописей...»; в Собрании сочинений Н. А. Добролюбова данный фрагмент никак не прокомментирован.

вал текст карикатуры; однако он не раскрыл, в чем заключается «соль» этого «анекдота», что говорит о его действительно широкой известности. Любопытно и другое. Добролюбов уточняет, что речь идет именно о «Двойнике», хотя ни в тексте карикатуры, ни в романе название повести не упоминается. Уточнение это, несомненно, идет от Некрасова, с которым Добролюбов очень тесно общался и которому, как непосредственному участнику, случай этот был очень хорошо известен. Об этом говорит и употребленное критиком осторожное «кажется». Прямое утверждение было бы слишком конкретным указанием на источник его сведений, что могло задеть как Некрасова, так и Достоевского, а с такой осторожной оговоркой рассказанное воспринимается как неясный отголосок каких-то старых сплетен.

Какие же события стоят за этим «очень известным анекдотом»?

Во второй половине 1845 года Достоевский занят работой над своей новой повестью — «Двойником». Писалась она тяжело; судя по всему, замысел ее по ходу работы менялся. Так, 8 октября Достоевский сообщал в письме, что «Яков Петрович Голядкин выдерживает свой характер вполне. Подлец страшный, приступу нет к нему; никак не хочет вперед идти, претендуя, что еще ведь он не готов, а что он теперь покамест сам по себе, что он ничего, ни в одном глазу, а что, пожалуй, если уж на то пошло, то и он тоже может, почему же и нет, отчего же и нет? Он ведь такой, как и все, он только так себе, а то такой, как и все. Что ему! Подлец, страшный подлец! Раньше половины ноября никак не соглашается окончить карьеру» (28₁, 113). Лишь к началу декабря работа над повестью вступила в завершающую фазу, и, как вспоминал сам писатель, Белинский предложил ему прочесть «хоть две-три главы» «Двойника» на вечер у себя дома.

Незадолго до этого Достоевский знакомится с И. С. Тургеневым, который в начале ноября возвратился из Парижа.⁶ Молодой франт произвел на начинающего писателя огромное впечатление. 16 ноября Достоевский сообщает брату, что «Тургенев (...) с первого раза привязался ко мне такую привязанностию, такую дружбой, что Белинский объясняет ее тем, что Тургенев влюбился в меня. Но, брат, что это за человек? Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет, — я не знаю, в чем природа отказала ему? Наконец: характер неистощимо прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе» (28₁, 115).⁷

Тургенев славился своим умением сходитьсь с людьми. Один из современников, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к

---

⁶ См.: *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858)* / Сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 106.

⁷ Подробнее об отношениях Тургенева и Достоевского см.: *Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог*. Л., 1987. Там же краткий обзор литературы вопроса.

нему, позднее писал: «Тургенев был общим любимцем, не за один только свой ум, талант и образованность, а за ласковое и со всеми одинаково не то что добродушное, какое-то ласкающее, заискивающее обхождение. На всякого встречного, в минуту встречи, он смотрел, как на самого лучшего своего друга: положит ему руки на плечи, называет не иначе, как „душа моя“, смотрит так тепло в глаза и говорит еще теплее, обещает все, что тот потребует: и прийти туда-то, и к себе позовет и т. д.»⁸ К тому же Тургенев в то время уже мог считаться опытным литератором: он был автором двух изданных отдельными книжками поэм, сотрудником «Современника» и «Отечественных записок». Он был ценим и уважаем как в кружке Белинского, так и в великосветских салонах. Очевидно, что мнение такого человека о его сочинениях было для Достоевского весьма значимо и ценно.

Итак, в самом начале декабря на квартире Белинского состоялось чтение «Двойника».⁹ Вот как об этом вспоминал сам Достоевский: «...Белинский настоял, чтоб я прочел у него хоть две-три главы этой повести. Для этого он устроил даже вечер (чего почти никогда не делывал) и созвал своих близких. На вечере, помню, был Иван Сергеевич Тургенев, прослушал лишь половину того, что я прочел, похвалил и уехал, очень куда-то спешил» (26, 65—66). Далее Достоевский писал о том, какое впечатление произвело на слушателей употребленное им в повести слово «штушеваться»: «...новое словцо не возбудило никакого недоумения в слушателях, напротив, всеми было вдруг понято и отмечено. Белинский прервал меня именно с тем, чтоб похвалить выражение. Все слушавшие тогда (все и теперь живы) тоже похвалили. Очень помню, что похвалил и Иван Сергеевич Тургенев (...). Хвалил потом очень и Андрей Александрович Краевский» (26, 66).¹⁰

Что же мог сказать о «Двойнике» Тургенев.¹¹ Несомненно, кроме похвалы новому слову, он произнес и какое-то общее суждение о повести, которое не могло не запомниться Достоевскому, так как Тургенев был для него тогда несомненным авторитетом.

Взглянем теперь снова на подпись к карикатуре. Теперь трудно сомневаться в том, что господин Т., «мнение» которого приводит

---

⁸ Гончаров И. А. Необыкновенная история // Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 352. Ранее он писал о Тургеневе, что тот «обладает (...) мягкой, магической привлекательностью» (Письмо к П. В. Анненкову от 20 мая 1859 года // Там же. Т. 8. С. 275).

⁹ В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (СПб., 1993. Т. 1. С. 104) это событие датируется «около 3» декабря; там же приведены отзывы других свидетелей чтения — П. В. Анненкова и Д. В. Григоровича.

¹⁰ Вполне возможно, эти похвалы Краевский, не обладающий, по всеобщему признанию, самостоятельностью суждений, произносил под влиянием общего мнения слушателей повести, о котором Достоевский, несомненно, сообщил своему издателю.

¹¹ Как отметил А. И. Батюто в комментариях к ПСС Достоевского, Тургенев должен был прослушать как минимум первые четыре главы повести, потому что слово «штушеваться» впервые употребляется лишь в четвертой главе (см.: 26, 384).

один из ее персонажей, — это Тургенев. Мы не располагаем суждениями Тургенева о раннем творчестве Достоевского, но почему бы не допустить, что в тексте карикатуры его высказывание (вернее, часть высказывания) приведено достаточно точно. К тому же о психологизме как об одном из главных качеств произведений Достоевского Тургенев говорил и позднее. Вот отрывок из его письма к Достоевскому от 26 декабря 1861 (7 января 1862) года с мнением о «Записках из Мертвого дома»: «...в Ваших характеристиках разных лиц (...) много тонкой и верной психологии».¹² Но гораздо более любопытно примечание Тургенева к публикации его пьесы «Месяц в деревне» (Современник. 1855. № 1), которое формально построено почти так же, как и отзыв о «Двойнике»: «Это собственно не комедия, — а повесть в драматической форме».¹³

Вероятно, Достоевскому запомнилось высказывание Тургенева, потому что однажды он и сам схожим образом характеризовал другое свое произведение. В широко известном и часто цитируемом письме к М. Н. Каткову от 10 (22)—15 (27) сентября 1865 года он писал о романе «Преступление и наказание», что «это — психологический отчет одного преступления», где, в частности, «развертывается весь психологический процесс преступления» (28₂, 136—137).

Вернемся снова к эпизоду из «Униженных и оскорбленных». Нельзя не отметить, что позднее, создавая в своих полемических статьях образ Краевского-журналиста Достоевский использовал некоторые штрихи портрета антрепренера Александра Петровича. Так, в романе голос его характеризуется как «мягкий, приличный (...) басок», в статье же «Щекотливый вопрос» (1862) газета Краевского «Голос» называется «Умеренный басок» (20, 44). В той же статье Краевскому дважды был дан эпитет «невинный» (20, 32, 44), которым также наделен Александр Петрович.¹⁴

Упомянутый нами эпизод лишний раз говорит о том, насколько не случайна в романах Достоевского каждая деталь и насколько важен был для него литературно-исторический контекст, пусть даже понятный в полной мере лишь посвященным.

---

¹² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 4. С. 394.

¹³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч.: В 12 т. Т. 2. С. 644.

¹⁴ Следует отметить, что слово «невинный» в журнальной полемике того времени употреблялось в значении «невежественный».